

## ГЕНЕРАЛ МОРО В РУССКОЙ СЛУЖБЕ\*



Генерал Жан Виктор Мари Моро

Безо всякого сомнения ни в одном европейском государстве не было столько военачальников из чужеземцев, сколько было их со времени Петра Великого у нас в России. Так, например, в течение ста семидесяти восьми лет, т.е. с введения в нашем войске звания генерал-фельдмаршала, было 34 природных русских и 17 лиц иностранных происхождения, носивших это высшее военное звание, не включая в число упомянутых лиц таких иностранных принцев и знаменитых полководцев, которым генерал-фельдмаршальский чин был предоставлен только в виде почетного отличия. Таким образом, круглым числом приходится у нас на каждое десятилетие по одному генерал-фельдмаршалу не из природных русских. Кроме них огромное число немцев, не только из Прибалтийских областей, подвластных России, но и из Германии постоянно занимали у нас высшие военные должности. После немцев по своей — но уже далеко не такой значительной — численности следовали в этом случае французы. Особенно замечательный прилив их был во время императора Павла Петровича, когда вследствие Французской революции роялисты удалялись из Франции преимущественно в Россию, где и находили самый радушный прием при русском дворе. Многие из этих эмигрантов оставались в нашей службе и при императоре Александре Павловиче, а некоторые из них, как, например, генералы — граф Ланжерон, граф Ламберт, граф Сен-При и Довре, начальник штаба в корпусе графа Витгенштейна, приобрели себе большую известность, сражаясь со своими соотечественниками во время войн России с Наполеоном, и один из французских эмигрантов, герцог Ришелье, впоследствии новороссийский генерал-губернатор, был

весьма заметным сподвижником Суворова в войне против турок.

Кроме представителей старинной монархической Франции, в русской армии явился еще один из самых видных военачальников Французской республики в лице генерала Моро. Присутствию его в русской армии придавали особое значение, как вследствие приобретенной им боевой известности, так в особенности потому, что он, бывший некогда сотоварищем императора Наполеона под французскими знаменами, приехал из своего далекого изгнания в Европу для того, чтобы принять деятельное участие в борьбе русского государя "с могучим баловнем побед". Но если та сторона, к которой по ненависти своей к Наполеону примкнул Моро, считала его самоотверженным героем, то другая, противная сторона смотрела на Моро, как на изменника, выступившего против своего отечества и притом в такую пору, когда французская армия, потерпев страшное поражение в России, должна была бороться с наступавшими на нее сильными союзниками. Смотря с этой точки зрения на поступок Моро, нельзя видеть в нем истинного патриота, но он в оправдание свое приводил особые и, по его мнению, как нельзя более уважительные доводы. Со своей стороны мы для справедливой оценки личности Моро представим сперва самый сжатый очерк его жизни, а потом расскажем о тех обстоятельствах, которыми сопровождался его приезд в главную квартиру императора Александра Павловича.

Жан-Виктор Моро принадлежит к числу тех быстро возвысившихся генералов Французской республики, из которых многие впоследствии так неожиданно попали не только в среду владетельных князей и герцогов, но даже сделались королями. Он был по происхождению бретонец, родился 11 августа н. ст. 1763 года в местечке Морле. Отец его, адвокат, был человек богатый и предназначал сына к тому же званию, которое он сам носил. Занятия адвокатурою противоречили, однако, врожденным наклонностям Моро, и он семнадцатилетним юношей, вопреки родительской воле, определился в военную службу рядовым. Отец Моро, недовольный этим, освободил сына из военной службы и засадил его снова за юриспруденцию. Но когда в 1789 году началась революция, Моро сбросил адвокатскую тогу и был назначен командиром батальона волонтеров, составленного преимущественно из студентов и входившего в состав северной армии. В 1792 году Моро заявил себя ревностным приверженцем республики, но революционная его деятельность вскоре прекратилась, так как он должен был отправиться со своим батальоном в Голландию, где имел случай выказать свою храбрость и свою распорядительность. В 1793 году он был уже дивизионным генералом и, овладев во Фландрии несколькими крепостями, заметно выдвинулся вперед среди тогдашних французских генералов.

В то время, когда Моро с таким усердием служил только что возникшей республике, ее крайние сторонники отsekли на эшафоте голову его отцу, обвинив его в измене отечеству. Несмотря на это ужасное событие, Моро не изменил своих республиканских убеждений и

\* Печатается по изданию "Древняя и Новая Россия" 1878 г. том III

продолжал успешно воевать под трехцветным знаменем Франции. Он нашел себе сильного покровителя в генерале Пишегрю, принявшем главное начальство над всеми французскими армиями, действовавшими на севере и на востоке. Благодаря этому покровительству он был сделан командующим северной армии, а вскоре после того, в 1796 году, занял место Пишегрю. Моро должен был действовать теперь за Рейном, против австрийцев, но в этом походе он вел дела не слишком удачно, так как принужден был отступить за Рейн. Несмотря, однако, на эту неудачу, слава Моро как полководца не померкла, потому что, по отзыву современных знатоков военного дела, отступление его было одним из самых замечательнейших стратегических движений, когда либо исполненных. Вдобавок к этому он при своем отступлении разбил австрийцев при Биберах, отважно прошел через теснины Шварцвальдских гор и чрезвычайно искусно сосредоточил свою рассеянную и растянутую армию при Фрейбурге.

Директория ценила, однако, не стратегические способности генерала Моро, но только приобретенные им результаты, а так как они не сопровождались окончательным поражением австрийцев и в конце концов привели к обратному переходу за Рейн без всяких завоеваний, то Моро, встретив изъявление неудовольствия со стороны республиканского правительства, привыкшего уже к блестящим победам, должен был выйти в отставку.

В 1798 году Моро был приглашен снова на службу республике и в следующем году отправился в северную Италию для начальствования над тамошней французской армией, но едва он прибыл туда, как получил приказание отправиться на Рейн. Однако прежде чем он поехал к месту своего нового назначения, французам привелось сражаться при Нови с русско-австрийской армией, бывшей под начальством Суворова. Так как почти при самом начале сражения при Нови, происходившего 4 — 15 августа 1799 года, главнокомандующий французской армией генерал Жубер был убит, то Моро заступил его место. Моро блестящим образом участвовал в этой битве: он не только шел навстречу опасностям, но под ним убито три лошади, и сам он был ранен в плечо. Под Нови Суворов сильно помял французов, хотя точно так же сильно досталось и союзникам: с обеих сторон урон был почти равен. После этой битвы враждующие армии разошлись в разные стороны, а Моро успел между тем обеспечить отступление французов к Генуе.

Битва при Нови была единственной битвой, в которой генералу Моро пришлось сражаться с русскими и притом иметь против себя такого прославившегося полководца, каким считался Суворов.

Впоследствии Моро очень часто вспоминал о битве при Нови и вообще любил говорить о Суворове, хотя и осуждал его тактику с большой строгостью. Живя в Америке, он начал было писать критический разбор действий русского полководца во время его похода в Италию, но, к сожалению, рукопись Моро пропала при пожаре, бывшем в его доме. Со своей стороны, Суворов, уважая Моро, называл его "генералом славных ретирад".

— Он меня, седого старика, понимает — говорил Суворов о своем противнике, — но я понимаю его еще больше. Горжусь, впрочем, что имею дело со славным человеком.

В то время, когда Моро из Италии приехал в Париж, там политические страсти сильно волновались, и дирек-

тория, опасавшаяся неприязненных ей партий, искала опоры в Моро. Но он стал на сторону врага директории генерала Бонапарта, который, произведя переворот 18 брюмера, сделался первым консулом и вверил своему пособнику Моро начальство над рейнской армией, назначенной для войны с Германией и Австрией. В этом походе Моро прославился победой над австрийцами при Гогенлиндене, последствием которой было заключение в Люневиле мира, чрезвычайно выгодного для Франции.

После этого Моро женился на девушке богатой и высокомерной, проявившей, между прочим, большую склонность к политическим интригам. Влиянию молодой супруги генерала приписывают его разлад с Бонапартом. Когда этот последний был провозглашен по жизненным консулом, Моро перешел на сторону его противников. Такое неприязненное отношение Моро к Бонапарту объясняют стойкостью его республиканских убеждений и при этом замечают, что чем более первый консул устанавливал около себя монархические формы, тем более, в отпор ему, Моро делался республиканцем. Как бы, впрочем, ни были поводы к раздору обоих прославившихся полководцев, дело, однако, кончилось не в пользу Моро. После провозглашения Бонапарта императором французов Моро был замешан в заговоре, составленном против Наполеона генералом Пишегрю и Жоржем Кадуалем. Он отсидел три месяца в Тампле, был обвинен в злоумышлении против правительства и приговорен к двухлетнему заключению в тюрьме. Император, однако, смягчил или, лучше сказать, изменил судебный приговор, постановленный над Моро, разрешив ему без исполнения над ним этого приговора удалиться в Америку. Вместе с тем Наполеон нанес ему весьма чувствительный удар, заставив Моро заплатить 1000000 франков судебных издержек по процессу, который вело против него французское правительство. Уплата такой огромной суммы хотя и сильно подорвала весьма значительное состояние Моро, но все же у него и после этого остались такие денежные средства, что он мог жить не только независимо, но даже и в полном довольстве.

Известный в старое время литератор и первый редактор-издатель журнала "Отечественные Записки" Павел Петрович Свинин в изданной им в 1819 году книжке под заглавием: "Опыт живописного путешествия по Америке" рассказывает, что Бонапарт подсыпал в Тампль к обвиненному Моро доверенное лицо, намереваясь через посредство этого лица начать со своим противником переговоры о примирении, но что Моро уклонился от этого. Далее Свинин передает, что офицер, сопровождавший изгнанника до границы Испании, заявил ему, что если он желает писать к императору Наполеону, то может дожидаться на французско-испанской границе скорого и благополучного ответа на свое письмо. На такое предложение, прямо вызывавшее Моро к миролюбивой сделке с главою Франции, он отвечал, что не только не хочет писать к тому, кого офицер называет императором, но даже иметь с ним никаких сношений.

В партии, противной Наполеону, удаление Моро в Америку возбудило сильное сожаление к нему и громкое негодование против императора. Приверженцы Моро, обратившись к примерам истории, начали называть его Велизарием новейших времен, приравнивая его, таким образом, к знаменитому византийскому полководцу, ослепленному и изгнанному без всякой вины из сто-

отечества неблагодарным и жестоким императором Юстинианом.

По поводу переселения Моро в Северо-Американские Штаты Свиньин пишет: "Сколько между таковых, кои удалились из Европы от преследования за различие в политических мнениях, сделались в Соединенных Северо-Американских Штатах полезнейшими гражданами, способствуя более других к возвышению и прославлению своего нового отечества. Ужасы деспотизма Бонапарта, — продолжает Свиньин, — доставляли земле сей много людей великих талантов и из числа последних жертв несчастья был любопытнее всех генерал Моро".

Свиньин писал это уже после смерти Моро. Нельзя, конечно, сказать, в какой степени могли повлиять на Свиньина-писателя, впрочем, весьма добросовестного — как личные его весьма близкие отношения к Моро, так и переход его на сторону России. Как бы то, впрочем, ни было, но Свиньин осыпает Моро величайшими похвалами. Он хвалит его открытый и благородный характер, приятное и откровенное обращение, отличные качества, кои, по словам Свиньина, "каждого, рассматривавшего его посреди его семейства, заставляли думать, что он всю жизнь свою посвятил единственно исполнению семейных обязанностей. При виде его, — говорит далее Свиньин, — всякий изумлялся соединению чрезвычайной простоты с чрезмерной славой. Соседи его называли не иначе как "добрый Моро". К этому Свиньин прибавляет, что Моро при своем замечательном уме был чрезвычайно начитан. Свиньин отвергает в нем чувства властолюбия и честолюбия, замечая, что Моро два раза мог сделаться главой Франции, но из скромности и, чуждаясь властолюбия, уклонился от этого, а потом сам сделался жертвой зависти деспота.

Моро прибыл в Америку один, без жены и детей, там он прежде всего объехал значительную часть штатов, а затем возвратился в Филадельфию. После этого путешествия он купил себе небольшое, но хорошо устроенное имение, называвшееся Морисвиль, лежавшее в живописной местности, у подошв утесов, окружающих реку Делавар, в расстоянии 50 миль от Нью-Йорка и 30 от Филадельфии.

Здесь поселился Моро мирным гражданином. Любимыми его занятиями были чтение и охота, которую он предпринимал, смело бродя по непроходимым дебрям делаварских лесов. Вскоре к Моро приехала из Европы жена с сыном и дочерью, но спустя несколько времени сын умер. Моро жил в своем поместье открыто и гостеприимно. В доме его собирались люди всех партий и убеждений и вели политические беседы. Моро, однако, редко вмешивался в эти беседы и, если принимал в них участие, то разговор его заметно клонился к тому, чтобы устранить всякое воспоминание о своем прошедшем и заставить других забыть об этом. В Морисвиль, по рассказам Свиньина, нередко приезжали государственные люди Северо-Американских Штатов для совещаний с Моро как с политическим оракулом, но он постоянно уклонялся от таких совещаний, чуждаясь всего, что отзывалось политикой.

В то время, когда Моро, забытый не только в Европе, но и во Франции, жил спокойно в Морисвиле, противник его, император Наполеон, шел от победы к победе и все более и более достигал вершины своего могущества. Успехи и слава Наполеона сильно раздражали Моро, и он, отклонив несколько сделанных ему предложений — вступить в иностранную военную службу, жил в своем поместье, ожидая того времени, когда государственный,

направленный против Наполеона, переворот даст ему возможность возвратиться в отчество и снова воевать под родными знаменами. Долго, однако, не сбывались ожидания Моро, и он уже около восьми лет прожил безвыездно в Америке. Неудачный конец похода, предпринятого Наполеоном в 1812 году против России, оживил в Моро надежды на скорое окончание его долголетнего изгнания. Он думал, что теперь, когда Франция раздражена против своего владыки и с нетерпением ждет его падения, наступила благоприятная пора для того, чтобы действовать против своего врага, и с этой целью он начал составлять план своего возвращения в Европу.

Весьма деятельной помощницей в этом случае была его жена. Под благовидным предлогом, что климат Америки крайне вреден ее расстроенному здоровью, она отправилась из Америки во Францию, куда, однако, по повелению Наполеона не была допущена. Несмотря на эту неудачу, она сделала вторую попытку проникнуть во Францию, и сей на этот раз посчастливилось; но вскоре она была арестована в Бордо, где и обязана была оставаться, состоя под бдительным полицейским надзором.

В то время, когда Моро жил в Америке, русским посланником при северо-американском правительстве был Андрей Яковлевич Дашков. При отъезде госпожи Моро в Европу он дал ей от себя письмо к государственному канцлеру графу Н.П. Румянцеву, и надобно полагать, что с этого письма начались переговоры о вступлении Моро в русскую службу. При тогдашнем русском посольстве в Америке состоял в числе дипломатических чиновников упоминаемый нами П.П. Свиньин, который и сделался главным посредником между Дашковым и Моро.

Из писем Моро к Дашкову достаточно виден весь ход этого дела.

Свиньин рассказывает, что Моро, потеряв наконец всякую надежду на то, что сама Франция умеет спасти себя от угнетавшего ее "тирана", решился принять предложение державы, которая вступила в решительную борьбу с поработителем не только Франции, но и всей Европы. Вследствие этого Моро принял предложение императора Александра Павловича вступить в русскую службу и начал готовиться к отъезду из Америки, желая как можно скорее поспеть на место военных действий в Европе.

При осуществлении этого намерения встретилось, однако, немалое затруднение. Наконец госпожа Моро в аллегорической форме уведомила своего мужа о возможности приехать в Европу, но выбраться безопасно из Америки и проехать Атлантический океан было не совсем легко. В Соединенных Штатах тайные агенты Наполеона зорко следили за Моро, с тем, чтобы тотчас же по его выезде оттуда или задержать его силою на пути в открытом море, или заблаговременно, еще до его отъезда, уведомить об этом французское правительство, дабы можно было сторожить появление Моро на берегах Европы.

Решившись отправиться прямо из Америки к союзной армии, Моро для безопасного проезда туда начал хлопотать через Андрея Яковлевича Дашкова о получении английского паспорта, охранявшего и тогда, как и теперь, его предъявителя более, нежели паспорта, выданные от имени каких-либо других европейских правительств.

В записке, посланной к Дашкову от третьего лица и без всякой подписи, Моро сообщил, что необходимо сколь возможно скорее добить паспорт на имя Джона

Каро, уроженца штата Луизианы, 48 лет от роду, 5 футов и 9 дюймов роста, имеющего голубые глаза и т.д. К этому он прибавлял, что такой же точно паспорт нужно достать и от английского адмирала Варрэна.

"События в Европе, — писал в этой записке Моро, могут быть таковы, что придется ускорить отъезд, несмотря даже на те препятствия, какие встречаются доселе. Экспедицию, о которой мы говорили сегодня утром и которую предполагалось направить в Петербург или Архангельск, удобнее было бы направить в Готенбург, откуда, переговорив предварительно с наследным принцем шведским (бывшим маршалом Бернадотом), легко уже будет приехать в Петербург. Без всякого сомнения нужно действовать как можно скорее, чтобы не терять времени".

При записке, о которой упоминается теперь, был, как видно из нее — приложен какой-то не дошедший до нас мемуар, который Моро предполагал дополнить некоторыми частностями после своего свидания с Дашковым. Подробности же эти касались, собственно, тех лиц, которые предлагали свое содействие императору Александру Павловичу против Наполеона и услугами которых, по мнению Моро, никак не следовало пренебрегать.

От 13 февраля 1813 года Моро из Нью-Йорка извещал Дашкова, что распространявшийся в городе слух о смерти Бонапарта до сих пор еще не подтвердился, но что во Франции во всяком случае происходит что-то необыкновенное, загадочное.

Моро казался чрезвычайно странным 29-й бюллетень Наполеона, предвещавший, по его мнению, изменение прежней системы императорского правления во Франции. В особенности же озадачил его один факт, лично к нему относившийся и о котором он сообщал Дашкову, а именно: Моро писал, что совершенно неожиданно жене его позволили остаться во Франции, тогда как несколько месяцев тому назад ей не разрешили приехать в Барреж для пользования тамошними водами, несмотря на то, что врачи, состоявшие на государственной французской службе, удостоверяли о необходимости для госпожи Моро лечения этими водами.

В этом же письме он пишет Дашкову следующее:

"Мне кажется, что Москва была камнем преткновения, о который разбились все смешные и нелепые притязания. Урок, данный Карлу XII, должен был бы, по-видимому, научить Бонапарта. Впрочем, как бы то ни было, но едва ли когда-нибудь было так строго наказано заблуждение. Остается только оплакивать громадные потери, принесенные на жертву гигантским и кровопролитным предприятиям".

Моро, как видно из его переписки с Дашковым, чрезвычайно усердно следил из своего далека за ходом событий в Европе, но в ту пору трудно было делать это вообще и особенно в Америке, куда до Моро доходили слишком запоздалые известия. Так, например, он только в начале марта 1813 года узнал обстоятельно о том, что делалось с французской армией в октябре и ноябре 1812 года, до того же времени он получал только неопределенные и даже сбивчивые известия.

По поводу бедственного отступления французов из Москвы Моро писал Дашкову:

"Чрезвычайно прискорбно для человечества, что гнусный виновник всех этих несчастий много еще может наделать зла, так как еще чрезвычайно велико обаяние его власти над слишком слабыми и слишком несчастными французами. Я не сомневаюсь никаколько, что Бонапарт точно так же бежал от ярости своих солдат, как и от пиковых казаков. Пленные французы в России должны быть ожесточены тем, что случилось, и должны дышать только мщением".

Ввиду этих, предполагаемых в пленных французах чувств, Моро в письме своем к Дашкову делает следующее предложение:

"Если бы значительное число этих несчастных согласилось под моим начальством высадиться на берег Франции, то я позволяю себе ручаться, что Бонапарту будет плохо. Я вспоминаю, однако, дело Жиброна и знаю, как нужно взять предосторожности, чтобы избежать его несчастной участи. Необходимо, чтобы предводители пленных

скомпрометировали себя заранее перед тираном Европы, требуя его выдачи.

Я не решаюсь, однако, беседовать с вами с полной откровенностью до тех пор, пока Раппатель не уведомит меня о результатах тех аудиенций, которые русский император благоволил назначить сму".

Раппатель, находившийся в Европе, был теперь главным посредником между императором Александром Павловичем и генералом Моро, который и передал ему и на словах, и письменно свои предположения о высадке на берега Франции пленных французов, находившихся в России. Раппатель был чрезвычайно благосклонно встречен Александром Павловичем и сообщил Моро, что император желал бы получить от Моро его мнение о настоящем положении дел. Моро был уверен, что Александр охотно примет высказанное ему от имени Моро предположение, и в этой уверенности готов был тотчас же, никак не колеблясь, отправиться в Европу, и лишь опасение за участь жены и дочери, находившихся там, удерживало Моро от действий против Наполеона. Моро, как писал он Дашкову, боялся отдать их "на жертву варварства такому подлому и жестокому человеку, какой едва ли когда-нибудь существовал на свете".

Передавая все это в письме к Дашкову, Моро в начале апреля 1813 года рассчитывал свидеться с Дашковым в Филадельфии, а между тем отправил к нему меморандум, в котором подробно излагал свои положения о походе во Францию пленных французов, находившихся в России.

Очевидно, что, в сущности, весь проект Моро заключался в том, чтобы поднять во Франции междуусобную войну для низвержения Наполеона, против которого, по убеждению Моро, должна была существовать там недолговременная и беспредельная злоба.

Генеральша между тем, сильно вмешивавшаяся в политические и воинственные замыслы своего мужа, старалась до времени удержать его в Америке, указывая ему на ту опасность, какая должна угрожать ей, если Моро выступит против Наполеона, не давши ей возможности укрыться от преследования "тирана"; она просила мужа предварить ее заблаговременно об его намерении уехать из Америки, но это не удалось ей. Одно из его писем было перехвачено французскими крейсерами, а другое пропало при крушении пакетбота, на котором оно было отправлено в Европу. Поэтому он послал к ней еще третье письмо через Англию, уведомляя ее о скором прибытии своем в Европу. В расчете на то, чтобы она, согласно с этим извещением, успела принять надлежащие для своей безопасности меры, он собирался выехать из Америки не ранее июня месяца.

В следующем своем письме Моро писал Дашкову о войне русских с Наполеоном в таких выражениях:

"Военные дела в Европе принимают тот ход, какой я предвидел заранее. Необходимо приостановиться на некоторое время, впрочем не из опасения того отпора, который Бонапарт может дать русской армии и ее союзникам, но единственно только вследствие чрезмерной ее усталости и необходимости пополнить ее состав и исправить предметы военных потребностей для армии, вынужденной делать в сурое время года такой поход, примеров которого представляется в истории очень немного".

Теперь, собственно, для Моро вся забота состояла в том, чтобы как-нибудь предупредить жену о своей поездке в Европу, он продолжал писать ей об этом всевозможными путями: через Англию, Голландию, Португалию, но все-таки никак не был уверен, что письма его доходили по назначению.

По всему этому он 1 мая 1813 года сообщил письменно Дашкову, что поедет в Европу не ранее конца этого месяца или начала июня.

Перед самым своим отъездом из Америки Моро, прощаясь дружелюбно с Дацковым, от 20 июня 1813 года писал ему из Нью-Йорка, что он, Моро, будет чрезвычайно счастлив, если ему придется содействовать установлению мира в Европе, прибавляя, что "мир этот может быть прочен только после низвержения человека, который смущал Европу в продолжении 10 лет. Самой приятной наградой, — добавлял Моро, — будет признательность Франции и Европы ко всем тем, которые каким-либо способом будут содействовать осуществлению этого желанного события".

Моро уезжал из Америки в высшей степени раздраженным против Наполеона. Личную свою к нему неприязнь он дополнял патриотическими чувствами. Моро беспрестанно повторял, что Бонапарт покрывает стыдом и позором Францию, что скоро нельзя будет называться французом, что этот изверг готовит Франции ненависть и проклятие целой вселенной. В особенности он возмущался против Наполеона по поводу его неудачного похода в Россию, стоявшего гибели всей французской армии. Моро говорил, что он, потеряв всякую надежду на то, что Франция сумеет спасти себя от угнавшего ее тирана, счел долгом честного гражданина содействовать ее спасению, приняв предложение такой державы, которая вступила в решительную борьбу с по-работителем человечества.

Оправдывая таким образом свой поступок (в сущности, далеко непатриотический), Моро спешил как можно скорее приехать на место военных действий. Со своей стороны Дацков содействовал его отъезду всем, чем только мог. Он выпросил у английского адмирала Кокборна позволение послать с русским дипломатическим курьером американское судно. Адмирал знал, что с этим курьером отправится Моро, но по ненависти англичан к Франции поспешил исполнить просьбу русского посланника.

21 мая н. с. 1813 года Моро и Свиньин были в Герль-Гете на пароходе "Аннибал", считавшимся самым лучшим ходоком во всем северо-американском флоте. 22 июля "Аннибал" достиг норвежских берегов благополучно, не встретив в продолжение своего плавания ни одного крейсера. Около берегов Норвегии "Аннибал" сошелся с английским пароходом, на котором генералу Моро было привезено известие о благополучном приезде его жены в Англию.

Теперь у Моро окончательно были развязаны руки, так как жена его находилась вне всякой опасности от преследования со стороны Наполеона.

24 июля н. с. пароход "Аннибал" вошел в готтенбургскую гавань, и Моро тотчас же отправился в главную квартиру императора Александра Павловича. На пути туда он неожиданно встретился со своим старым другом маршалом Бернадотом, который в это время был уже наследным принцем шведским.

16 августа Моро вместе со Свиньиным приехал в Прагу, где тогда находился император Александр Павлович. На другой день после его приезда должны были по истечении перемирия, заключенного между союзниками и Наполеоном, открыться снова военные действия. Моро тотчас по приезде в Прагу отправил Свиньина к государю для заявления, что он, Моро, ожидает повелений его величества. Император выразил через Свиньина свое удовольствие по случаю приезда генерала и просил его отдохнуть после трудного и продолжительного путешествия, добавив к этому, что он примет Моро завтра в 9 часов утра. В то же время он отправил одного из своих флигель-адъютантов к Моро, чтобы поздравить генерала с благополучным прибытием в Прагу.

Внимание русского государя к бывшему генералу Французской республики не ограничилось, впрочем, только этим. На другой день, прежде чем Моро должен был отправиться для представления императору в назначенный для того час, государь предупредил предстоявшее свидание своим посещением, неожиданно приехав к Моро сам. Едва успели предуведомить генерала о приезде к нему высокого гостя, как Александр Павлович вошел к нему, крепко обнял его и пробеседовал с ним более двух часов наедине. Разумеется, что Моро был чрезвычайно тронут таким необыкновенным вниманием, оказанным ему могущественным монархом, и Свиньин в красноречивых словах передает чувства умиления, высказанные по поводу этого генералом Моро.

В тот же самый день император представил его обеим великим княгиням, бывшим в Праге, а на другой день — императору Францу, который благодарил его за оказанное им австрийцам человеколюбие во время войны на Рейне.

Моро стал уже собираться к отъезду на место военных действий, как вдруг дверь его комнаты отворилась и к нему вошел император Александр в сопровождении только что приехавшего в Прагу короля прусского. При этом король заявил Моро, что он поспешил посетить полководца, прославившегося своими доблестями. Более двух часов император и король без посторонних лиц просидели с Моро.

На следующий день Александр Павлович выехал из Праги к армии, с ним отправился и Моро, который с этого времени оставался безотлучно при императоре.

27 августа н. с. 1813 года происходила битва под Дрезденом. Проливной дождь хлестал, а сильный порывистый ветер, не переставая, дул в лицо нашей армии, затрудняя ее действия. В это время император Александр Павлович находился на русской батарее, ставившейся сбить расположенные против нее неприятельские орудия. Здесь при такой отдельной борьбе завязалась горячая артиллерийская перестрелка. Ядра беспрестанно летали на русскую батарею, и когда одна из пущенных в нее французами бомб разорвалась вблизи государя, то Моро стал просить его удалиться с этой батареи, указывая ему другое место, более безопасное от неприятельских выстрелов, а вместе с тем и более удобное для наблюдения за ходом сражения.

Император уступил настояниям своего спутника и пришпорил коня. Привычный ко всему конь вдруг остановился, как будто испуганный, перед какой-то лужей, а Моро, объехав государя и став в нескольких шагах от него впереди, ожидал, когда заупрямившийся конь перескакнет или переберется через лужу. Вдруг ядро ударило в Моро, оно оторвало ему правую ногу и, пролетев сквозь лошадь, вырвало у него икру левой ноги и раздробило колено.

Около свалившегося Моро началась суета. Казаки, бывшие в конвое государя, наскоро сделали из пик носилки, положили на них Моро, накрыли его своими шинелями и понесли в близстоящий крестьянский домик, который, какказалось, был в стороне и от русских, и от неприятельских выстрелов.

В это время на поле сражения заметили кидавшуюся во все стороны собачку, не обращавшую никакого внимания на страшный шум боя, сильную ружейную перестрелку и грохот орудий; собачку поймали, и на ошейнике у нее оказалась надпись: "J'apartiens au général Morgeau\*\*". Этот верный спутник генерала не разлучился со своим господином и на поле битвы и теперь жалобно визжал и отчаянно метался, не находя его нигде.

\* Я принадлежу генералу Моро (прим. ред.)

Рассказывали, что ядро, поразившее Моро, было пущено из орудия, наведенного самим Наполеоном. Рассказывали будто бы он, следя за движением императорского кортежа и увидя в нем Моро, который выделился несколько от других и приостановился, воспользовался этим моментом и, как отличный артиллерист, направил на Моро верный выстрел.

Выстрелы преследовали, однако, Моро и после этого рокового для него удара. В домик, куда его отнесли, немедленно явился сопутствовавший постоянно государю на полях сражений лейб-хирург баронет Вилье. Он признал нужным отнять у Моро не только оставшуюся часть правой ноги выше колена, но и отрезать и искалеченную левую ногу. Моро мужественно переносил эти тяжелые операции. В то время, когда они производились, два ядра ударили в домик, в котором находился Моро, и разрушили угол той горницы, где он лежал.

К вечеру окончился кровопролитный бой под Дрезденом отступлением союзной армии на прежде занимаемую ею позицию. При этом отступлении пришлось нести Моро, измученного и ранами, и операциями, через горы по ужасной дороге. Во время этого перехода император Александр часто подъезжал к носилкам, на которых лежал Моро, осведомлялся о нем и утешал его, избегая, однако, всякого разговора, который мог бы несколько взволновать страдальца. 30 августа Моро был доставлен в город Лаун в безнадежном состоянии.

За десять часов до своей смерти Моро написал к жене следующее письмо:

"Милый мой друг,

Три дня тому назад, при осаде Дрездена, ядро оторвало у меня обе ноги, а бездельник Бонапарт между тем счастлив по-прежнему.

Мне сделали операции как нельзя лучше. Хотя армия подалась назад, но это сделано единственно для того, чтобы соединиться с Блюхером.

Извини мое маранье, я люблю тебя и целую от всего сердца".

Едва Моро окончил это коротенько письмо, как ему сделалось еще хуже. Несмотря, однако, на это, он безпрестанно звал к себе Свиньина и Раппателя, чтобы продиктовать им письмо к государю. Но вследствие крайнего изнеможения не мог сделать этого. Наконец, собрав последние силы, он продиктовал Свиньину адресованное к императору Александру письмо такого содержания:

"Государь,

Я скажу в могилу с теми же чувствами почтения, удивления и преданности, какие я почувствовал к вашему величеству в первую минуту нашего свидания".

Продиктовав это, он закрыл глаза и скончался, как казалось, без всяких страданий.

Получив предсмертное письмо Моро, император Александр поспешил отправить к его вдове собственно-ручное письмо. В нем он писал:

"Милостивая государыня,

Когда ужасное несчастье, поразившее подле меня генерала Моро, лишило меня опыта и познаний этого великого человека, я все еще питал себя надеждою, что с помощью стараний мы сохраним его для семейства и для моей дружбы. Судьба распорядилась, однако, иначе. Он скончался так, как жил — с одинаковою силою души твердой и непоколебимой. Непрятворно разделяемое участие составляет утешение в злополучии. В России везде вы, милостивая государыня, найдете это чувство, и если вам угодно будет избрать ее местом вашего пребывания, то я употреблю все способы, чтобы сделать приятной жизнь той особы, для которой быть опорой и утешителем я поставил

себе священным долгом. Прошу вас твердо верить этому и не скрывать от меня ни одного случая, где бы я мог быть вам полезен, и писать прямо ко мне. Предупреждать ваши желания будет моим удовольствием. Дружба, которую я питал к вашему супругу, продолжается за пределами земной его жизни, и я не имею другого способа заявить ее, как только сделав что-нибудь для благодеяния вашего семейства.

Примите, милостивая государыня, среди настоящих печальных и ужасных обстоятельств уверение в искренности моих чувств".

Письмо это было отправлено к госпоже Моро из Телица 6 сентября 1813 года.

Государь подарил ей полмиллиона рублей и, кроме того, назначил ей пожизненную пенсию в 30000 рублей ежегодно. Король Людовик XVIII, вступив на престол, предоставил ей титул вдовы маршала Франции. Умерла она в 1821 году.

По желанию императора Александра на том месте, где в битве под Дрезденом был убит Моро, установлен памятник.

У французских историков вообще Моро был предметом резких порицаний как изменник отечества, явившийся содействовать увеличению тех бедствий и того позора, которые испытывала несчастная в ту пору Франция. Со своей стороны Свиньин оправдывал поступок Моро тем, что бездействие его при отчаянном положении его родины было бы изменено и что союзные государи шли войною не против французов, но против тщеславия их повелителя. Рассуждения свои на эту тему Свиньин заключает тем, что Моро был великий человек и великий патриот.

Несмотря на удачные в стратегическом отношении походы Моро и даже на некоторые одержанные им победы, в особенности при Гогенлиндене, Моро не может считаться в ряду первенствующих полководцев вообще, а тем более знаменитых полководцев Наполеоновской эпохи. Наступательные его действия не сопровождались ни разу блестящими успехами, и Суворов не без основания называл его "генералом славных ретирад". Собственно же в России известность Моро доставила ему ненависть в Наполеону, против которого после московского пожара господствовало у нас непримиримое ожесточение. Кроме того, погибель Моро от неприятельского ядра вблизи императора Александра заставляла много говорить о нем, так как с рассказом об этом неразлучно было связано указание и на те опасности, которым так очевидно подвергался государь во время сражений.

Хотя впоследствии счастье и изменило противнику Моро — Наполеону, но в отношении той памяти, какую потомство хранит о них обоих, встречается неизмеримая разница. Прах Наполеона, читимый французами всех политических партий, лежит в Париже в великолепной усыпальнице. Память же о Моро совершенно исчезла, да и сдва ли кто и знает теперь его позабытую могилу.

В Петербурге в католической церкви св. Екатерины, что на Невском проспекте, с правой стороны от главного входа, недалеко от большого алтаря, вделаны в пол две плиты. Под одной из них похоронен последний польский король Станислав Понятовский, а на другой, лежащей с нею рядом и истертой ногами богомольцев, с трудом можно ныне прочитать имя Моро...